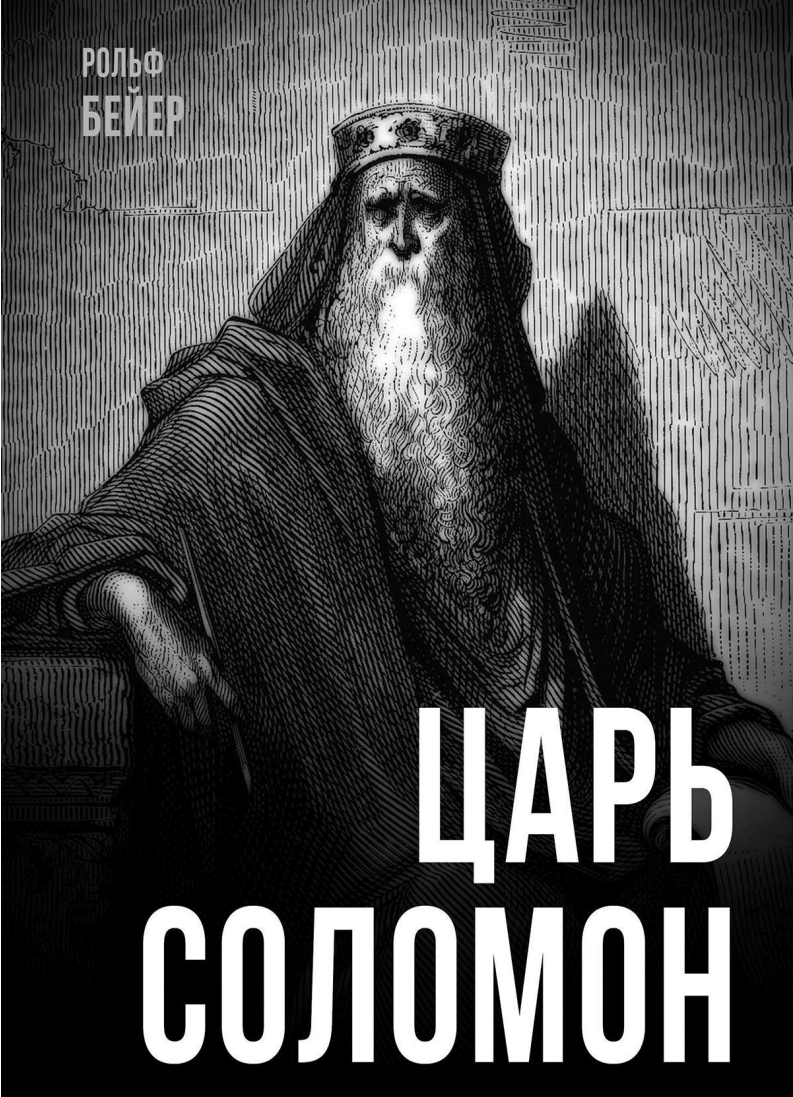

РОЛЬФ
БЕЙЕР

ЦАРЬ СОЛОМОН

Рольф Бейер

Царь Соломон

Серия «Покорившие мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74427831
Царь Соломон: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-651-2

Аннотация

Царь Соломон вошел в мировую историю как обладатель несметных богатств, строитель Иерусалимского храма, автор поэтической «Песни песней» и носитель великой Мудрости. Мало кому известна другая сторона этой незаурядной личности: мрачный мститель, запятнавший себя убийством брата и кровной местью. Его слава покоится на подневольном труде народа, из которого он выжимал все возможное для своих блистательных дел. Что стоит за легендой – сказочный образ или историческая фигура? Неожиданный и интригующий читателя ответ дает известный немецкий исследователь, выдающийся знаток древней истории.

Читайте самую полную историю жизни человека, чьи деяния стоят у истоков нескольких мировых религий. Для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Глава 1	23
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рольф Бейер Царь Соломон

* * *

© Черкасова И.А., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

Царь Соломон многолик. Тем, кто любит женщин, он представляется искусным любовником; тем, кто ищет мудрости, – мудрецом; тем, кто страстно желает мира, его правление кажется беспримерной эпохой мира. Самое главное дело Соломона – строительство храма в Иерусалиме – олицетворяет один из важнейших символов человеческих надежд и стремлений.

Соломона называют также великим поэтом, который воспевал творения природы, в притчах и песнях прославлял мудрость любви, мудрость жизни и мудрость мира. Соломоново решение стало крылатым выражением. Окруженный легендами, продолжает жить таинственный визит безымянной царицы Савской, приехавшей в Иерусалим, чтобы испытать Соломона своими загадками. Богатство Соломона – золото, серебро, драгоценные камни, дворцы и крепости и, в конце концов, трон слоновой кости – отбрасывает ослепительный свет, озаряющий Соломона и его дела, скорее сказочное, чем реальное. Не часто историческая фигура предстает посредником надежд и страстей, дающим и исполненным желаний, которые были и остаются недостижимыми для потомков. Но сияющий свет быстро превращается в мерцающий, отбрасывающий расплывчатые тени. Так меняется и образ царя: любовь к женщинам кажется старческой глупо-

стью, богатства – приобретенным, но не заработанным состоянием, неумная страсть к строительству – это выжатый народ, который стонет от подневольного труда. Его политика религиозной терпимости оборачивается тогда изменой традиционной вере Господу, его повсюду превозносимая мудрость – странным общением с демоническими силами.

Молодой Соломон

Но Соломон предстает перед нами не только в запутан-

ной игре идеализаций и демонизаций, в которых его истинный образ может поблекнуть или исчезнуть. Его царствование ставится на службу политическим интересам. «Так Соломон был господином над всеми государствами, от Евфрата до Филистимен и вплоть до границ Египта» – на это утверждение из Библии еще и сегодня ссылаются влиятельные еврейские круги для исторической легитимации «великих израильских интересов». Лежит ли на нем проклятие или благословение – вопрос истории будущего. А вот является ли ссылка на великое царство Соломона правомерной, на этот вопрос ответ должен быть получен здесь и сейчас.

Оживить истинного Соломона и его время – трудное предприятие, так как условия для смелого дела неблагоприятны. Только Библия дает нам сведения о Соломоне; остальные древние источники молчат. О нем нет ни единого слова ни в текстах, ни в надписях, хотя Соломон, по всей вероятности, должен был жениться на египетской принцессе. Такое молчание источников Древнего Востока побудило некоторых исследователей вообще усомниться в существовании Соломона.

Но осторожно! Давайте-ка посмотрим немного внимательнее на израильских царей, которых называют в древневосточных источниках, исключая Библию. Первым был засвидетельствован североизраильский царь Омри, он правил примерно 50 лет после смерти Соломона, что зафиксировано на так называемых скрижалях Меша, которые находятся

сегодня в Лувре. Стела, названная по имени моавитянского царя Меша, повествует о победе жителей Моава над домом Омри. Вторым царем из небиблейского источника был североизраильский царь Ахав (871–852 до н. э.). Царь Ахав появляется на скирижах ассирийского царя Салманасара III (858–824 до н. э.) как один из тех царей, которые были порабощены ассирийским царем. Еще в одной записи Салманасара III указывается североизраильский царь Йеху (845–818 до н. э.), причем его называют платящий дань. Ассирийский царь считал это событие в 841 до н. э. настолько важным, что велел его изобразить на черном камне, который находится сейчас в Британском музее. Царь Йеху лежит, поверженный, перед победоносным ассирийским царем, потеряв всякое величие. Подпись под картиной: «Дань от Йеху, сына Омри: Я получил от него серебро, золото, чашу из золота, остроконечную вазу из золота, кубок из золота, ведро из золота, олово, царский жезл...».

Мы могли бы продолжить дальше и привести другие небиблейские свидетельства с общей чертой: они показывают царей Израиля исключительно как побежденных, взятых в плен, приносящих дань. Лишь статус побежденного вводит их во внебиблейские документы, и вот это, кажется, и объясняет, почему царь Соломон не мог быть представлен вне Библии. Царь Соломон не был ни побежден, ни пленен; он не отдавал дани; он не вел ни одной войны. Таким образом, быть включенным во внеизраильские источники ему поме-

шало именно его дело мира.

Только Библия сообщает о царе Соломоне: первые 12 глав Книги Царств (3 Царств 1–12) и более короткое параллельное сообщение в историческом произведении «Летописи» (2 Паралипоменон 1–9), кроме этого, еще короткая запись о рождении (2 Царств 12) [1]. Но свидетельства из Библии можно считать историческими источниками весьма условно. Книги Царств были написаны добрых четыре столетия спустя после правления Соломона, даже еще позже, через семь столетий после смерти Соломона. Для библейских авторов Соломон был фигурой давнего прошлого, лишь одной из многих, которые приходили и уходили в израильской истории.

Хотя библейские авторы и писали историческую книгу, для них в первую очередь важны были не исторические свидетельства. Авторы Книги Царств искали ответы о причинах ужасных катастроф, которые разразились над Израилем: угасание североизраильского государства в 722 до н. э. по вине ассирийцев, но прежде всего ужасное разрушение Иерусалима и Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором в 587 до н. э. Храм Соломона представлял собой груды развалин; предметы культа были разбиты, расплавлены или увезены в Вавилон. Иудейская верхушка пережила судьбу вавилонского пленения.

Авторы Книги Царств исходили из перспективы катастрофы, в которой были разрушены последние остатки от Соло-

монова наследия – царство, государственная независимость, величественные строения Иерусалима. Их взгляд на историю Израиля был не нейтральным взглядом историков-архивариусов, которые фиксировали и передавали *Sine ira et studio*[2], а религиозно обусловленным «взглядом на катастрофы», который хотел исследовать, как могло произойти падение империи, разрушение Иерусалима и храма Соломона.

Ответ библейских «историков» был прост, жесток и однозначен: народ Израиля изменил чистой вере Господу. Итак, катастрофы были Его мезтью. И цари Израиля беспощадно критиковались с этой точки зрения. Большинство из них осуждались в религиозном плане. И Соломон не мог скрыться от осуждающего прямого взгляда, так как он, по мнению «историков», религию променял на иных, чуждых богов. Отношение авторов книги Царств к Соломону является поэтому «злым», рожденным из боли и страданий за тот вред, из-за которого дело Соломона окончательно было отдано на разрушение. А нас продолжает тревожить, насколько соответствует исторической правде образ Соломона, прошедшего горнило мучений.

Сомнения правомерны. Так, параллельное сообщение во 2-й книге Паралипоменон рисует другой образ Соломона. Не удивительно, так как когда авторы летописей писали о Соломоне, катастрофа Израиля казалась уже преодоленной: Вавилон был лишен власти, а персидский царь Кир позволил

находящимся в изгнании евреев вернуться в Иерусалим, как написано в знаменитом указе Кира в 538 до н. э. Бывшему государству иудеев была предоставлена ограниченная автономия. Началось восстановление разрушенного Иерусалима, позже было разрешено воздвигнуть городскую стену. Но прежде всего надлежало построить новый храм. На него были направлены надежды пророков, о чем свидетельствуют видения храма у Захарии, все усилия религиозных функционеров, желавших иметь в первую очередь государство первосвященников. Библейские летописцы происходили как раз из этих священнических кругов.

В их фантазии преобразался образ царя Соломона и его эпохи. Им Соломон представлялся преимущественно богопослушным царем, который построил первый храм, ввел храмовый культ и установил культовый уклад жизни. Отход Соломона от чистой веры в Господа полностью завуалирован в Книге Царств. И летописцы-священники рассказывали историю Соломона не как историки, а формировали образ Соломона, соответствовавший их культовым интересам.

Итак, мы снова возвращаемся к вопросу, как рисовать исторически верный портрет Соломона. Трудностей добавляет то, что личность Соломона грозит раствориться в его делах. Есть сообщения о том, что он родился, но ни одного слова о его детстве и юности, становлении. Более или менее описываются только эпизод положения на царство, кое-что о периоде укрепления трона, показана жестокая борьба

за власть, одно и то же, что вызывает у нас скорее отвращение. В остальном только фантастические и путанные записи о том, что было, и чего, вероятнее всего, не было: сверхогромном количестве жен – 700 и наложниц – 300, сказочном богатстве, поездках в легендарную страну Офир, строительстве храмов и дворцов, стихах, судебных приговорах и молитвах, а между ними списки чиновников, записи об административных делах, о договорах.

При этом удивительно слабо прописана личность Соломона, в отличие от его отца Давида, история жизни которого сопровождалась драматическими конфликтами, грандиозными страстями и отвратительными слабостями. В отличие от Саула, первого царя Израиля, жизненный путь которого глубоко трагичен, Соломон, казалось бы, наоборот, не дает никакого материала для создания легенд и романов. И все-таки кто бы из писателей ни отважился приблизиться к Соломону – будь то Жерар де Нерваль или Стефан Гейм, – он приходит к негативному образу Соломона, что, само собой разумеется, с историческим Соломоном вряд ли имеет что-нибудь общее.

Наша дилемма расширяется. Исторически верного изображения Соломона по причине безнадежной ограниченности источников, кажется, найти не удалось, живая биография Соломона, которую можно было бы воспринимать как человеческую правду, тоже для нас закрыта. Но стоит обратить внимание на разношерстный характер источников,

странные умолчания, обрывки в тексте и противоречия в библейских преданиях – здесь наш шанс. Все указывает на то, что у библейских рассказчиков был в распоряжении обширный материал, который они брали, перерабатывали и трактовали. Многие из старых сведений было упущено.

Библейские авторы указывают на то, что «прочие события Соломоновы и все, что он делал, и мудрость его описаны в книге дел Соломоновых» (3 Царств 11.41), на «записи Нафана пророка и пророчества Ахии Силомлянина и видения прозорливца Иоиля о Иеровааме» (2 Паралипоменон 9.29), в которых о Соломоне говорилось больше и по-другому. Эти источники, которые следовало бы отнести непосредственно ко временам Соломона, к сожалению, утрачены. То, что дошло до нас, – более поздние исторические произведения, где перерабатывался старый материал, но многое из того, что больше не отвечало интересам повествующего, упускали. Наша задача – освободить «исторический первый камень», заставить заговорить то, о чем умолчали тексты.

Возможно ли такое вообще? Ответ прояснится, когда мы рассмотрим весь комплекс преданий о Соломоне наиболее тщательно, к чему, собственно, Стремилось не одно поколение исследователей.

В первом комплексе преданий Соломону посвящена история наследования трона Давидова. Она, вероятно, была составлена уже во времена Соломона и излагает трагическую историю дома Давида, историю о насилиях и борьбе за власть

(2 Царств 9–20). Соломон появляется лишь в конце этой истории, когда он возведен на трон и закрепляет свою власть необыкновенно жестокими средствами (1 Царств 1–2), оказываясь кровным мстителем и братоубийцей. О положительных делах Соломона в истории наследования трона Давида не говорится ничего. Напротив, Соломон-убийца подвергается однозначной критике. И хотя царствование в принципе не ставится под сомнение, создается впечатление, будто Соломону, братоубийце и кровному мстителю, хотели показать темную сторону, чтобы образумить его.

Примечательно, что вопрос о Соломоне-убийце всегда обходит. До сегодняшнего дня нет никаких достоверных исследований, которые бы проливали свет на причины его мрачных деяний. Эту задачу мы рассмотрим в первой главе, причем здесь разворачивается психодрама Соломона, которая представляет его представителем «архаичного сознания». Взрывная сила доказательств состоит в подтверждении того, что даже библейские авторы уже больше не осознавали архаичности в характере Соломона.

Второй комплекс преданий (1 Царств 3–10), напротив, дает измененного Соломона. Не страшный, а мудрый, богатый и терпимый Соломон завладевает сценой, тот Соломон, кто слагает стихи и притчи, строит храмы, дворцы и города, добивается удивительных результатов в дипломатии и торговле, управлении и экономике. Положительный образ Соломона второго слоя преданий дошел до нас весьма фрагментарно.

но: архивные сведения в форме списков, сообщений о постройках, распорядительные записи пестро перемешиваются с подробными рассказами о мудрости Соломона. Вообще кажется, что сведения взяты из той «книги дел Соломоновых» (1 Царств 11.41), о которой мы уже упоминали.

Основной интерес данной книги – обнажение «исторических камней» положительного, может быть, и идеализированного, образа Соломона второго слоя преданий, чтобы понять, как царь-убийца мог превратиться в антипода из 2-й главы, – приводит к абсолютно необычным результатам, которые еще ни разу не становились темой в полемике о Соломоне.

Царь Соломон

Но надо иметь в виду еще и третий комплекс преданий. Его можно найти в 11-й главе Книги Царств, где говорится о конце Соломона. Становятся видимыми границы возможностей царя, предлагаются пояснения, как мог произойти распад Соломоновой мирной империи. Появляется противник Иеровоам из Ефрема; пророк Ахия Силомлянин обещает ему царствование над северо-израильскими племенами, которые отделились от Иудейского царства. В этом третьем слое преданий Соломон вновь рассматривается весьма критически, но не с позиции иерусалимских придворных кругов, а с точки зрения северо-израильской и пророческой оппозиции. Третий комплекс преданий предостерегает нас от поверхностной идеализации Соломона. Во всяком случае, нам недостаточно библейской интерпретации, будто религиозные причины – прежде всего уход Соломона от веры в Господа – несут ответственность за окончательный крах. На самом деле друг другу противостояли различные «идеологии царя», которые привели к распаду Соломоновой великой империи.

В четвертом слое преданий сопоставляются три уже названных комплекса тех авторов, чья рука чувствуется повсюду. Все имеющееся у них они объединили в произведение, которое сегодня представлено в Библии. Эти же авторы перед лицом катастрофы 587 до н. э. переработали имеющийся у них материал.

В науке их называют «дейтерономистическими редакторами», поскольку они ориентировались на буквальное толкование 5-й книги Моисея – Второзакония (дейтерономии). Взяв себе в помощь и положительные и отрицательные данные, имевшиеся у них, они лепили свой образ Соломона. По их версии, Соломон относится к тем царям, которые отошли от чистой веры в Господа. То, что Соломон не вписывается в их точку зрения на катастрофу, очевидно. Разве Соломон не должны были бы наказать еще при жизни за отход от Господа? Во всяком случае, таково было мнение дейтерономистических критиков, но им пришлось все же согласиться против своей воли, что Соломона, несмотря на его царскую жизнь, постиг мирный конец.

У этой книги есть еще одна задача. Она состоит в том, чтобы убрать вуаль, которой дейтерономистические редакторы окутали «исторического» Соломона. Но это значит противоречить в важных местах библейскому преданию, тому, что сегодня предстает перед нами. Но то, что, на первый взгляд, выглядит как разрушение, в действительности позволяет нам восстановить облик «исторического» Соломона.

При этом мы делаем потрясающее открытие: дело жизни Соломона по какой-то до сих пор неясной причине обязано миру. И в отношении чего-либо это не просто показатель, поскольку, к сожалению, вовсе не мир, а война является тем, что испокон веку будит изобретательность и одновременно сковывает ее. Так, древневосточные и античные историче-

ские описания в значительной степени или даже целиком можно было назвать военными репортажами. И библейские исторические описания Ветхого Завета не являются исключением. Мир же, напротив, остается вне страниц исторических книг.

Не является ли мыслительным феноменом человеческого сознания то, что мир остался бледной тенью нераскрытой темы? Даже малые дети играют в войну. Царь Соломон, наоборот, предлагает сделать возможной контркартину по отношению к подавленной или неразвитой истории мира. Показать это и есть основная задача данной книги.

Однако библейское повествование, которое мы на сегодня имеем, не охватило и не оценило по достоинству живую, мощную силу дела мира Соломона. Хотя и не скрывает, что при Соломоне господствовал мир, однако мир воспринимается только как «отсутствие войны», а не как жизненный принцип, пронизывающий всю деятельность царя, даже те деяния, которые отвергаются библейскими авторами.

В нашей книге речь идет о царе мира, и ему пока что не отводилось должного внимания со стороны официальных исследователей. Но не следует держать царя Соломона вне общественного интереса. Благоклоннее к нему во все времена относилось «неофициальное» знание, которое идеализировало его в блеске и славе, наивно восхищалось его богатством, прославляло его мудрость, строительство храма превращало в символ исполнения надежд, хотя храм и разрушен

до основания. Может быть, в простом понимании содержится больше правды, чем в ученых трудах, где только и подчеркиваются недостатки царя.

Восстановление «исторического» Соломона поможет представить жизнь и дело этого царя таким образом, чтобы проследить шаг за шагом определяющий все его дела путь мира. Мы не поддадимся при этом соблазну идеализировать и переоценивать действия царя, так как он выступал не как миротворец, а как братоубийца и кровный мститель. Но можно ожидать удивительное открытие причин, а также мотивов, которые помогут нам понять, кем же на самом деле был Соломон.

Но мотивы – это одно, а осуществление – другое. Итак, мы войдем в политическую жизнь царя Соломона, чтобы расследовать, какова была его матримониальная, торговая и экономическая политика. Характерно, что в области «поверхностной» реконструкции истории до нас продвинулись довольно далеко. Однако мы считаем, что пока не удалось отыскать следов деятельности Соломона в административной и войсковой реформе, строительстве городов-крепостей и т. д. Изучение мирной позиции Соломона позволяет нам также увидеть в новом свете самое важное его достижение – строительство храма в Иерусалиме. Библейские авторы, по нашему мнению, неадекватно приняли мирный характер строительства храма.

Абсолютно недооценена библейскими авторами религи-

озная политика Соломона, толерантная позиция которого была осуждена как отход от чистой веры в Господа. Как же в реальности обстояли дела с «религией Соломона»? Это будоражащий сознание вопрос с весьма озадачивающими ответами, которые помогают почувствовать, насколько глубоко дело мира Соломона затрагивает жизненный нерв израильской религии. Наша идея такова: Соломон не в ослеплении старости, а еще во времена строительства храма проявлял к Астарте, богине финикийцев, более чем просто симпатии и в отличие от пророков и истово верующих в Господа мог уступить место в израильской вере богу Ваалу. Его дело мира означало не бездумное отгораживание от опыта, а переосмысление того, что другие пережили как угрозу и справились с ней.

А как обстоят дела с накопленным опытом самого Соломона? Его ощущение жизни опиралось на открытость и широту, выражающиеся в том, что традиционно принято называть Соломоновой мудростью, а в более поздние времена даже Соломоновым просвещением. Но в чем, собственно говоря, состояла Соломонова мудрость! Наш ответ открывает не известные донине перспективы, в свете которых и визит таинственной царицы Савской получает новое объяснение.

Действительно ли она приехала, чтобы испытать мудрость Соломона загадками, или же она испытывала его совсем другим способом? Была ли она демонической фигурой, как ее хотела видеть более поздняя иудейская легенда, или основа-

тельницей ислама, как внушает Коран? Что влекло ее, чернокожую царицу, в Эфиопию, куда ее препроводили после освобождения Соломоном? Царица Савская открывает нам экзотические широкие перспективы.

Последние годы жизни Соломона кажутся омраченными крахом, так, мы не можем не заметить, что он был «человеком противоречий». Примирился ли Соломон со своим возрастом, может быть, он автор той библейской книги пророков, которая знает о «бренности жизни»? Дать ответ на эти вопросы пытается последняя глава.

Глава 1

«Да здравствует царь Соломон!» – убийца Соломон

Соломон был зачат в результате запретной страсти и преступления. Его мать Вирсавия стала нарушительницей супружеской верности. Его отец, нарушивший супружескую верность, убил мужа своей любовницы. На этом мрачном фоне произошло рождение Соломона. Ребенок приходит в мир с самого начала отягощенный наследием судьбы. Неизвестно, когда и где он узнал о преступной связи своих родителей, так как нет никаких сведений о детстве, юности и периоде возмужания Соломона.

Однако есть свидетельства того, что на него возлагались надежды. Его назвали Соломон («миролюбивый»), так, будто хотели изгнать мрачную тень пагубных страстей. Придворный пророк Нафан дал ему имя Иедидиа, «по слову Господа» (2 Царств 12.24). Имена эти – знаки надежды.

Как всякий сын, Соломон должен был особо относиться к тому, что отец и мать отяготили его заветами, влиянием и возможностями. Наследство Соломона было не из легких, так как образы отца-убийцы и матери-прелюбодейки огромным камнем давили на него.

Тот, кто хочет знать о сыне, должен, естественно, знать

и об отце с матерью. Итак, мы расскажем историю Давида и Вирсавии, без которых Соломон не стал бы тем, кем он стал. Нужно показать Давида как можно более точно, ведь Соломон был полной противоположностью своему отцу.

Давид еще совсем молодым пришел ко двору царя Саула, того самого царя, который после столь блестящего начала впал в тяжелое старческое уныние. Давид пришел играть на гуслях, дабы игрой своей и пением смягчить «злого духа», овладевшего царем. Саулу понравился красивый юноша, тоска покидала его, когда Давид играл и пел. Давид был очень красив, но это не значит, что он обращался лишь к музам. Он стал оруженосцем царя. Свое боевое крещение он получил в сражении с Голиафом, единоборцем врагов-филистимлян. Давид случайно попал в сражение. Он собирался пасти овец своего отца Исаии. Ему еще не доставало возраста, когда начинают носить оружие, в отличие от своих братьев, которые находились на военной службе израильтян.

Царь Соломон

И вот стоит в долине дуба вызывающий ужас Голиаф, которого легенда наделила трехметровым ростом, облаченный в чешуйчатую броню, медный шлем и медные наколенники, при нем его страшное копье, конец которого отлит из железа. Напротив него Давид, одетый в одежды Саула, с мечом его. Это мешает ему при ходьбе. Итак, он снимает с себя все, берет пять гладких камней из ручья и кладет их в свою пастушескую сумку. С сумкой и пращой в другой руке приближается к Голиафу, который делает ошибку, обычную для всех героев. Он презирает молодого воина, который кажется красивым, но скорее всего изнежен, да еще и смуглый. Но победа достается Давиду, когда камень из его пращи попадает противнику прямо в лоб.

Мы не знаем, что произошло с мертвым Голиафом. Был ли он похоронен в каменном саркофаге, повторяющем форму человеческого тела, которые дошли до нас как свидетельства культуры филистимлян? Мы не знаем, но предполагаем, что филистимляне достигли более развитого уровня культуры. В то время, как израильтяне своих мертвецов клали в гроб без всяких затей или хоронили в специальных пещерах-гробницах, филистимлян хоронили в «гробах-людях». Как будто они рассчитывали жить после смерти, если камень обретет форму тела и одновременно увековечит их.

Победа Давида приписывается помощи бога Израилева,

так, во всяком случае, пожелало библейское предание. Но подтверждается ли исторически сражение Давида и Голиафа? Мы вправе усомниться, поскольку в списке «воинов Давида» умерщвление Голиафа приписывается не Давиду, а некоему Елханану (2 Царств 21.19). Ну что ж, может быть, всем известная история с Голиафом не что иное, как миф о герое во славу Давида.

Это было бы слишком просто. Из легенды так и просится правда: борьба между двумя мирами! Пастух-кочевник выступает против «оседлого» городского воина. Там Голиаф, хорошо вооруженный воин из филистимлянского города Гефа, здесь Давид, вращающий пращу. Физическая сила и военные доспехи городского воина против пастушеской сумки, пращи и хитрости маленького кочевника.

Яхве, бог Израиля, на стороне кочевника – как это было еще в начале истории Израиля, когда Авраам, Исаак и Иаков кочевали по стране, когда люди с Моисеем во главе поднялись и кочевали по Египту и пустыне. И хотя израильтянам была обещана «земля, где текут молоко и мед», все же оседлость – крестьянская и городская – всегда вызывала у израильтян необъяснимую тревогу.

Боязнь «оседлой» цивилизации сопровождает историю Израиля с самого начала и находит свое выражение в непонятой еще и до сегодняшнего дня истории убийства Авеля братом его Каином, после того как Яхве отказался от жертвы Каина, но принял жертву Авеля. Целые поколения ис-

следователей пытались постичь решение Яхве. А все очень просто: «Авель был пастухом, а Каин стал землепашцем», – кратко сообщает Библия (Бытие 4.2). Яхве получал удовольствие от жертвы кочевника Авеля, а жертва оседлого Каина была отвергнута. Более того, Каин пожинал славу родоначальника градостроителей и кузнецов (Бытие 4.17).

Итак, Каинову печать несут на себе уже в древней истории оседлые горожане и кузнецы. То, что вскрывается в братоубийстве Каина и продолжает жить в судьбе строителей и кузнецов-каинитов – противоречие между кочевничеством и оседлыми цивилизациями, – повторяется в битве кочевника Давида и горожанина Голиафа. Информация, которой мы обязаны истории с Голиафом, говорит о многом: Израиль по сравнению с городами филистимлян выглядел отсталым, был, как бы мы выразились сегодня, «развивающейся страной».

Но вернемся к Давиду. Военная слава послужила основой придворной карьере, которая, правда, скоро оборвалась, поскольку царь Саул опасался Давида как конкурента царской власти. До царя дошли песни, где Давид ставился выше Саула: «Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!». Эти слова огорчали Саула тем больше, что исходили от женщин, которые пели эти песни, водя хороводы. Давид – гуслиар, герой сражений и любимец женщин, по сравнению с ним старший по возрасту и впавший в меланхолию царь действительно выглядел не лучшим образом. Дело дошло даже до по-

кушений на парня, которому улыбалось счастье. Несколько раз Саул метил в Давида копьем, потом послал его в составе «отряда смертников» против филистимлян. И когда это все не помогло, он подготавливает смертельный заговор.

Но у Давида есть друзья. Мелхола, дочь Саула, любит его, приносит ему необходимые сведения и помогает тайно выбраться через окно. Позже она становится его женой. Несколько раз предупреждает Ионафан, сын Саула, их связывает нечто большее, чем просто мужская дружба. Оба заключают союз на всю жизнь, обмениваются одеждой, связывают свои сердца – как осторожно пишется в Библии (1 Царств 18.1). Царь Саул разгневался на Ионафана: «Сын негодный и непокорный! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессеевым на срам себе и на срам матери твоей?» (1 Царств 20.30). Это плохо скрываемый намек на гомоэротические отношения между ними.

Позже Давид скажет в плаче по погибшему Ионафану: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень добр для меня, любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2 Царств 1.26).

Давид тайно покидает царский двор и отправляется в непроходимые пустынные области в западной части Иудейского нагорья. Он прячется на «родине», но не ищет защиты у своего рода в Вифлееме, а собирает вокруг себя всех притесненных и всех должников и всех огорченных душою, и было с ним около 400 человек, и он становится начальником

над ними. Давид уводит людей в безопасные для них места, пустыню Ен-Гадди. В их задачу входило защищать окрестности от нападения филистимлян. За это Давид требует от своих земляков дань, например, в пустыне Маон под Хевроном, где он вступает в переговоры с Навалом, из рода Халева, очень богатым человеком. Тот не хочет добровольно давать «то, что найдет рука его», и уже тем более не «убежавшему отсюда слуге». Месть Давида наверняка настигла бы его, если бы Авигея, красавица жена Навала, не попросила бы милости и не сделала бы Давиду дорогие подарки, равные дани. Когда Навал узнал об этом, он со страху умер. А Давиду ничего не оставалось, как жениться на Авигее.

Давид завязывает любовные отношения с чужеземными девушками, перевозит своих родителей к моавитянам – по традиции, врагам израильтян. Но преследования Саула становятся слишком опасными, так что ему ничего не остается, как бежать к филистимлянам – смертельным врагам Саула. Он появляется у Анхуса, царя Гефского, откуда был родом Голиаф, как будто вовсе и не было позорной смерти Голиафа и поражения филистимлян. Давид служит у них наемником и не гнушается никакими наводящими ужас актами насилия, на какую бы землю Давид ни нападал, он не оставлял в живых ни мужчин, ни женщин.

Таким образом, Давид не только, говоря современным языком, партизан-террорист, он предатель своего народа, марионетка в руках филистимлян, и все это для того что-

бы ослабить царя Саула. В городе Секелаге он становится господином и обязуется служить со своими людьми Анхусу. Успешно сражается против амаликитян, которые угрожают не филистимлянам, а иудеям. Давид, следовательно, ведет двойную игру, даже готов выступить на стороне филистимлян против Саула. Но полностью Давиду все равно не доверяют и перед началом сражения его отправляют прочь. Саул находит свой ужасный конец у подножия северо-израильской горы Гелвуйской. Он пронзает себя мечом около городской стены Беф-Сана, а его оружие филистимляне после боя положили в капище Астарты.

Как могло произойти, что, несмотря на бездумное сотрудничество с филистимлянами, Давид после смерти Саула был провозглашен царем? Разве что во время своей службы у филистимлян Давид не порывал отношений с южно-израильскими племенами. Так, рассказывают, что он переправлял им тайно часть добычи; кроме того, его женитьба на Авигее представляется продуманным политическим ходом, посредством которого он хотел выстроить дружеские отношения. Не только кармилитянка Авигея становится его женой, но подготавливается новый брак с Ахиноамой Изреелитянкой. Однако все это вряд ли может покрыть то, что Давид служит врагам Израиля.

Далее, Давида в Хевроне вначале объявляют только царем Иудейским. И только через семь лет его признают царем северо-израильтян. Решающую роль сыграли, вероятно, во-

енные достижения. Давид окружил себя сильным наемным войском, которое могло лучше отражать грозящую израильтянам опасность, чем традиционная армия отдельных племен, когда все «свободные и честные мужчины» призывались на войну лишь временно.

Организация Давидом постоянного наемного войска – первоначально набранного из сомнительных личностей – было революционным новаторством, которое стало необходимым после смерти Саула. Еще весьма слабый во времена Саула союз племен нуждался в обновлении, особенно это касалось войск, чтобы более эффективно отражать притязания высокоорганизованных соседних городов-государств. Итак, все сходило на Давиде: он выучился у филистимлян современному военному делу, собрал вокруг себя наемное войско и проявил себя талантливым военачальником.

Важную роль сыграли войска во время, пожалуй, самой успешной операции Давида – овладения Иерусалимом, тогда еще независимым городом, в котором жили иевусеи. Каким образом Иерусалим перешел в руки Давида, вопрос спорный. Библейское предание опирается на военную хитрость, после того как начальнику войска наемников Иоаву и его воинам удалось войти в город через траншею водоснабжения. Другие исходят из того, что Иоавом было нарушено водоснабжение Иерусалима. Водяной бассейн был найден при раскопках в 1867 г. и назван по имени археолога Уоррена. Он соединял защищенный стеной город иевусеев с источ-

ником, который существует поныне и называется «источник Марии», потому что Мария, должно быть, стирала здесь пеленки Иисуса. Однако новые исследования библейских текстов показали, что завоевание Давидом Иерусалима могло быть иным. Слово *sinnor*, переводимое всегда как «резервуар», согласно новым филологическим исследованиям, означает «произнесение клятвы». В соответствии с этим выводом, Давид пришел к овладению городом мирным путем — дав клятву, гарантирующую мир и дружбу.

Как бы то ни было, овладение Иерусалимом наряду с новой организацией войска представляло собой еще одно революционное новаторство. Давид завоевал город, который нельзя было отнести ни к одному из племен израильтян. Он находился как раз на границе между южными иудеями и северными израильтянами. Но прежде всего Иерусалим стал городом не в силу какого бы то ни было решения племен, а за счет деятельной натуры царя и преданных ему людей. Тем самым Иерусалим с самого начала был царским городом, в котором израильские племена с их жизненными устоями не могли развернуться в полной мере. Значение этого нельзя недооценивать. Вместо слабого племенного союза выступало царство, создавшее себе столицу, из которой Северный Израиль и Южная Иудея управлялись царем.

Из Иерусалима Давид окончательно отвел угрозу филистимлян, идущую от побережных районов. Отсюда он поработил аммонитян и моавитян в восточной Иордании и идущую

меян, располагавшихся на границе с южными землями. После этого он успешно ходил против Хадад-Эзера, царя Зобы, действовавшего на юго-востоке, и против царя Дамасского. Войны были вероломными, результат однозначный: при Давиде Израиль стал внушающей уважение крупной державой, владеющей самыми обширными землями как никогда больше в истории.

В семье Давиду, напротив, не везло. В повествовании о наследовании трона (2 Царств 11; 1 Царств 2) излагается трагическая семейная ситуация, история о жажде жизни и ослеплении властью. Старший сын Давида, по имени Амнон, обесчестил сводную сестру Фамарь, красавицу, которую прогнал спустя короткое время: «И услышал царь Давид обо всем этом, и сильно разгневался, [но не опечалил духа Амнона, сына своего, ибо любил его, потому что он был первенец его]» (2 Царств 13.21).

Авессалом, второй сын Давида, чувствует себя призванным отомстить за позор сестры. Он убил Амнона и бежал.

Теперь от Давида зависело, распространит ли он закон кровной мести на Авессалома. Но сердцем Давид был привязан к юноше, несмотря на его проступок, до такой степени, что спустя годы они помирились. Странная слабость к своим неудачным сыновьям характеризует Давида. Поэтому он просит предупредить Авессалома, когда тот начинает готовиться к мятежу. Авессалом заводит себе колесницы, набирает 50 скороходов и ведет себя на глазах у Давида как судья

Востока. Он показывал себя тем, что стоял по утрам у ворот Иерусалима и искал правды, но при этом говорил о царе, что тот не спешит выслушать тех, кто шел к нему на суд. Он налаживал тайные связи с израильскими племенами, раздувая старую неприязнь к царскому двору: «Так вкрадывался Авессалом в сердце израильтян», – коротко и выразительно (2 Царств 15.6). Давид безучастно наблюдает за этим.

Потом начался открытый мятеж. Давид вынужден покинуть Иерусалим, а Авессалом занимает его место. У всех на виду он идет в гарем Давида и насилует наложниц, чтобы подтвердить право на царскую власть. Известно, что тот человек, который берет себе гарем царя-предшественника, сам становится царем. Однако ситуация меняется, когда Давид использует свой однажды обретенный опыт с наемниками. Но этим он скорее демонстрирует отцовскую слабость к Авессалому, которого хотел бы пощадить, несмотря на ужасное предательство. Иоав не выполняет наказа Давида и убивает Авессалома, когда тот, убегая на муле и запутавшись своими длинными волосами в ветвях дерева, повисает на нем. Давид, кажется, сражен гибелью сына: «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой, Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!» (2 Царств 18.33).

Никогда царь Давид не оправится от этого удара. Отзвук семейной трагедии омрачает последние годы царя.

Все мало, сколько ни скажи о царе Давиде, деяния которого неоспоримы – объединение израильских племен в единое государство, создание центрального правления и новой организации войск, возвышение Иерусалима до царской столицы. Давид – это личность, объединившая в себе две формы: кочевой образ жизни, так сказать, партизанский, и восточную городскую и царскую культуру, которая появляется в Иерусалиме. Но, кроме этого, фигура неоднозначная, имеющая и сильные и слабые стороны: сильный царь и слабый отец, жестокий воин, который распорядился производить обрезание у врагов, и великодушный победитель, пощадивший царя Саула в пустыне под Ен-Гадди.

Как появляется на сцене Соломон, какое место он занимает в трагедии семьи, как строятся его отношения с отцом? Ответ, вероятно, разочарует читателя: о Соломоне мы не узнаем почти ничего, он для нас чистый лист. Ничего не сообщается о его кровосмесительных отношениях, как у его брата Амнона, в нем нет мятежно-бунтарского, как у его брата Авессалом, ни каких юношеских геройских поступков, и уж вовсе ничего не говорится о военных делах – не то, что его отец Давид. Мы не знаем, как Соломон выглядел. О Давиде известно, что он был красив, смугл и носил бороду; Авессалом знаменит красивыми длинными волосами, а об Амноне мы знаем, что из-за запретной страсти к сводной сестре он чах изо дня в день. О Соломоне же – ничего подобного!

Соломон не дал впутать себя в трагедию своей семьи. И

все же с самого начала существует скрытая связь как раз с той трагедией, что разворачивается вокруг него. Таким образом, мы приходим к Вирсавии, матери Соломона, с которой и началась трагедия царской семьи Давида.

Вирсавия появляется, когда Израиль был втянут в войну с аммонитянами. Царь Давид поручает своему испытанному военачальнику Иоаву идти походом на Равву в Иордании, а сам остается в Иерусалиме. Однажды вечером он прогуливается на кровле царского дома, что было в духе восточных традиций. Тут он видит купающуюся женщину с красивой фигурой. Он посылает разведать и узнает, что это Вирсавия, жена Урии, который служит в войске Давида. Это не мешает Давиду пригласить Вирсавию в царский дом: «И она пришла к нему, и он спал с нею» (2 Царств 11.4).

Вирсавия забеременела, последствия дурного поступка Давида приняли угрожающий характер. Урию приглашают в царский дом, заваливают подарками и отправляют к жене. Давид, надо думать, хотел скрыть свое участие в беременности Вирсавии. Однако Урия не спит с женой, а остается с солдатами, верный древневосточному обычаю воздерживаться от близости с женщиной во время военного похода. Из-за этого над прелюбодеем Давидом сгущаются все более темные тучи: Урия, иностранец, чтит своим воздержанием военное выступление, военачальник же высшего ранга давно распрощался со старой израильской традицией.

План Давида навязать Урии вызванную им беременность

не удастся. Нужен новый план. Давид пишет письмо военачальнику Иоаву, в котором он приказывает отправить Урию на небеса.

Урия воюет под городом Раввой, погибает в результате преступного заговора, и это выдается за судьбу воина. Когда Вирсавия слышит о смерти мужа, то она устраивает плач по погибшему. Потом Давид делает ее женой.

Последние события не представляют ничего само собой разумеющегося и нуждаются в пояснении. Ведь и факт нарушения супружеской верности и связанное с ним преступление Давида невозможно скрыть. Придворный пророк Нафан, который в знаменитом предсказании обещал дому Давидову «вечное царствие», выступает уже как пророк беды, бичует злодеяния Давида и объявляет о наказании. Оно страшно. Ни Давид, ни Вирсавия не несут наказания, зато сын, рожденный от этой преступной связи, вскоре умирает: «И порази́л Господь дитя».

Конечно, Давид пытается отвести беду; он постится, спит на земле, но когда узнает, что ребенок умер, то встает, омывается, натирается маслами: «пошел к Вирсавии и утешил ее, и зачала она». Спустя девять месяцев Вирсавия разрешилась Соломоном.

Кто хочет понять, что произошло, должен отдавать себе отчет в чудовищной логике событий, которым Соломон обязан своим рождением, – «лабиринту непостижимостей». Вместо Давида и Вирсавии смертоносное проклятие полу-

чает невинный первенец. Где же справедливость? Все четко, просматриваются архаичные причины: вина и наказание, злое деяние и его последствия не выстраиваются в «справедливую зависимость», так как наказание настигает не виновников, а невинное существо, которое находится вне порочной связи. Пораженный богом ребенок – это жертва, которая, как все жертвы в архаичных культурах, должна быть невинной, чтобы взять на себя вину и наказание виновных. Жертва, человеческая жертва – мрачное предупреждение, что и в Израиле вполне может произойти событие, которое, казалось, не возобновится, по крайней мере после того как Исаак, сын Авраама, был спасен (Бытие 22).

Умерший ребенок позволяет предположить еще одну архаичную связь, до наших дней не установленную: древневосточную традицию ритуала царя-двойника. Ассирийские, вавилонские и хеттские документы свидетельствуют о странном обычае: если, например, царю угрожала смерть по причине лунного или солнечного затмения, на трон усаживали царя-двойника – обычно это был человек из народа. Он должен принять на себя ужасную кару, которая предназначалась для царя. Когда наступало затмение, двойник умирал насильственной смертью, а «истинный» правитель оставался живым и невредимым.

Упомянутый ритуал подмены царя дошел до нас из описания ассирийского царя Ашурхаддона (680–669 до н. э.). Однако ритуал подмены царя упоминался уже в XIX веке

до н. э. в вавилонских источниках. В качестве царя-двойника был посажен на трон придворный садовник, который, однако, смог удержаться у власти и после смерти настоящего царя. В других случаях взять на себя злую судьбу царя обязывали сумасшедшего, пленника или высланного из страны преступника. Иногда вместо человека использовалось изображение, которое сжигалось, или приносилось в жертву какое-нибудь животное, подобно козлу отпущения из Библии – нагруженному неотпущенными грехами всего народа (а не только царя), изгоняемому в пустыню для избавления от проклятия.

Но давайте вернемся к истории умершего сына Давида и спросим себя, не стоит ли за ним подмена жертвы. Тогда надо было бы рассматривать царского сына-первенца как подмену царя, который отвел бы проклятие от настоящего царя (Давида) и взял бы его на себя. И действительно, существуют некоторые примечательные параллели: когда новорожденного сразила болезнь, Давид покидает трон и укладывается на землю. Тем самым он символически отказывается от царствования. Нечто похожее описывается в одном хеттском ритуале подмены царя: «Царь полностью обнажается и падает ниц».

Когда сын умирает, Давид оmyвает себя, натирается маслами и надевает другие одежды. В хеттском ритуале говорится: «Он совершает омовение и надевает праздничные одежды».

И библейское и хеттское предания отмечают в ритуале подмены царя сходжение с трона, омовение и смену одежд. Однако библейский автор не понял глубинного смысла этого действия. У него слуги царя видят вначале молящегося и постящегося Давида, а после смерти ребенка – полностью изменившегося, который не без цинизма произносит: «Разве я могу возвратить его?» (2 Царств 12.23).

Теперь свет проливается и на удивительное продолжение истории, которая ведет к рождению Соломона. Библейское предание опять объясняет это психологически: Давид хотел утешить Вирсавию. Однако странно, что тем самым оправдывается связь, основанная на супружеской неверности и убийстве.

Все становится понятным, если мы воспримем смерть сына-первенца как «человеческую жертву», подмену царя, ведь только этим можно снять грех и искупить вину. Необычное поведение Давида объясняет не духовное признание: «А жизнь продолжается», а древний ритуал подмены царя.

Сообщается о рождении Соломона, но потом он исчезает из истории, чтобы снова появиться, когда борьба за трон подойдет к концу. Впечатление, при этом возникающее, угрожает: никоим образом не освещено детство Соломона, история его архаична и полностью поглощена фигурами матери-прелюбодейки, отца-убийцы и брата-покойника.

Магия имен

Неотвратимость рока, сотканного из прелюбодеяния, убийства и смерти брата, нанизывается на рождение Соломона. Можно ли изменить ход судьбы? Об этом думали те, кто стоял у его колыбели. На это указывает единственное сообщение, связанное с рождением Соломона: значение имени. Примечательно, что сына Давида нарекли двумя именами: Давид назвал его Соломон («миролюбивый»), а придворный пророк Нафан называл его Иедидиа («по слову Господа»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.